

Дорофеева Ольга Вадимовна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

**ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОСНОВНОГО ОБЩЕСТВА ПО ДОЛГАМ ДОЧЕРНЕГО:
ОТ ФОРМАЛЬНОГО ПОДХОДА К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ****Аннотация**

Рассматриваются вопросы правового регулирования и правоприменительной практики в отношении имущественной ответственности основного общества по долгам дочернего в российском законодательстве, являющиеся одними из наиболее сложных в современном корпоративном праве. Проведён анализ правовых основ корпоративной ответственности, а также эволюции судебной практики от формальных подходов статьи 105 Гражданского Кодекса Российской Федерации к гибким инструментам в разрезе законодательства о банкротстве. Сделан вывод о том, что ключевая роль в комплексном развитии института субсидиарной ответственности основного общества по долгам дочернего, а также в формировании единообразной и эффективной правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу принадлежит Верховному Суду Российской Федерации, его позиции и разъяснениям по изучаемому вопросу. В совокупности выявленные в исследовании тенденции свидетельствуют о движении практики к установлению персонализированной ответственности, прямо зависящей от степени вины и добросовестности поведения контролирующего лица.

Ключевые слова: основное общество, дочернее общество, имущественная ответственность

В современной экономике одной из распространенных форм организации бизнеса являются холдинговые структуры, состоящие из основного и дочерних обществ, что позволяет оптимизировать управление компаниями и распределять риски. Однако, наряду с очевидными преимуществами ведения бизнеса, возникает правовой вопрос о самостоятельности дочерних обществ и, как следствие, о возможности привлечения основного общества к имущественной ответственности по долгам своих дочерних компаний.

Вопрос имущественной ответственности основного общества по долгам дочернего является одним из наиболее сложных в современном корпоративном праве, поскольку часто сталкивается с необходимостью противодействия злоупотреблениям, когда формальная самостоятельность дочерней компании используется для уклонения от исполнения обязательств и причинения убытков другим лицам.

Актуальность темы с точки зрения экономики обусловлена непрерывным развитием корпоративного законодательства и судебной практики, направленным на поиск баланса между защитой принципа ограниченной ответственности, стимулирующего предпринимательскую активность и инвестиции, и необходимостью

противодействия злоупотреблениям, обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты прав кредиторов.

В Российской Федерации правовое регулирование этого вопроса осуществляется через нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (по тексту – ГК РФ), федеральных законов об обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах, а также, что наиболее существенно, через детальные положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

В настоящий момент ключевой нормой, регулирующей имущественную ответственность основного общества по обязательствам дочернего, является ст. 67.3 ГК РФ «Дочернее хозяйственное общество». Эта статья устанавливает два вида ответственности: солидарную и субсидиарную. Основное общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного общества (п. 3 ст. 401 ГК РФ). В случае несостоятельности дочернего общества по вине основного последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам. При этом для привлечения основного общества к ответственности требуется доказать, что соблюдены требования дочерности или имелась возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом. Важно отметить, что статья 67.3 ГК РФ является общей нормой, и ее применение на практике сопряжено с определенными трудностями, особенно в части доказывания обязательности указаний и вины, а зачастую и дочерности компании.

Положения ГК РФ повторяются и конкретизируются в специальных законах о хозяйственных обществах. Статья 6 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» практически дословно воспроизводит положения ст. 67.3 ГК РФ относительно ответственности основного общества по долгам дочернего.

Наиболее эффективным и применяемым на практике механизмом привлечения основного общества к ответственности по долгам дочернего является Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который содержит специальные нормы об ответственности контролирующих должника лиц, которые значительно расширяют возможности привлечения основного общества к имущественной ответственности.

Закон дает конкретное определение лиц, имеющих не только формальное право определять действия дочерней компании, но и лиц, имеющих фактическую

возможность определять действия должника, в том числе путем дачи указаний, заключения соглашений, извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, или иным образом. Эта норма права дает возможность привлекать к ответственности не только основные общества, но и физических лиц, фактических бенефициаров компании. Закон устанавливает правила и размер субсидиарной ответственности, устанавливает ряд конкретных правил, значительно облегчающих доказывание вины.

Таким образом, в соответствии с законодательными нормами права основу для судебного разбирательства формируют следующие ключевые условия привлечения основного общества к имущественной ответственности по долгам дочернего, а именно: наличие юридического или фактического контроля (возможность определять решения, давать указания, иными способами влиять на хозяйственную деятельность дочерней компании); наличие причинно-следственной связи между действием (бездействием) основного общества и долгами дочернего общества или его банкротством; наличие вины в следствии недобросовестности или неразумности указаний при наличии определенных обстоятельств; отсутствие возможности взыскания долгов с дочернего общества.

Долгое время российские суды крайне неохотно привлекали основное общество к ответственности по долгам дочернего, ссылаясь на принцип самостоятельной правосубъектности и ограниченной ответственности. Применение норм ГК РФ (ст. 105, утратила силу 01.09.2014) было затруднено из-за сложностей доказывания наличия указаний со стороны основного общества и его вины. Введение в 2009 году, а затем существенное расширение в 2013 и 2017 годах норм об ответственности контролирующих должника лиц в Законе о банкротстве стали поворотным моментом, направленным на борьбу с недобросовестными действиями бенефициаров компаний, которые использовали банкротство в качестве способа ухода от ответственности.

В этот период времени ключевую роль в формировании единообразной и эффективной правоприменительной практики сыграли разъяснения Верховного Суда Российской Федерации (по тексту - ВС РФ). Особо значимым документом, детально разъяснившим применение статей 61.10, 61.11, 61.12 Закона о банкротстве, стало Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Постановление значительно расширило понятие «контролирующее должника лицо»,

указав, что контроль может быть не только формальным, но и фактическим, определило общие принципы привлечения контролирующих лиц к ответственности при банкротстве, установило четкие презумпции вины, определило границу между деловым риском и злоупотреблением, сместило бремя доказывания от истца к ответчику и дало судам инструментарий для эффективного привлечения к имущественной ответственности. Таким образом, нормы ГК РФ и закона о банкротстве были переведены в практическую плоскость.

С этого момента суды стали активно применять положения ст. 61.10 Закона о банкротстве, привлекая к ответственности не только формальных участников или руководителей, но и лиц, которые фактически определяли действия должника. Это могут быть основные общества, владеющие долями/акциями, а также физические лица, являющиеся бенефициарами основных обществ, лица, дававшие указания через номинальных директоров или учредителей, иные лица, получавшие выгоду от деятельности должника. При этом суды исследуют всю совокупность обстоятельств дела: аффилированность, финансовые потоки, переписку, показания свидетелей. Также судами стали активно применяться нормы п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, определившие презумпции вины контролирующих должника лиц и существенно облегчающие доказывание их вины.

Таким образом, поворотной точкой в правоприменительной практике стало Постановление Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017, которое ввело концепцию фактического контроля. Однако именно практика 2024–2025 годов довела этот подход до логического завершения, сформировав приоритет экономической сущности над юридической формой.

В 2024 году Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (по тексту - СКЭС ВС РФ), отменяя судебные акты и направляя спор на новое рассмотрение, указала, что при соотношении субсидиарной ответственности с требованием о взыскании убытков с контролирующих лиц следует различать ответственность за вред, причиненный третьим лицам, и ответственность за вред, причиненный самому должнику. В отличие от субсидиарной ответственности, которая всегда имеет целью погашение требований кредиторов должника, возмещение убытков может быть направлено на компенсацию имущественных потерь как кредиторов, так и самой корпорации (активов должника, его акционеров и участников). Ввиду этого, в зависимости от имущественного интереса, на защиту

которого направлено требование о возмещении убытков, необходимо различать кредиторские иски (к ним возможно применение механизма, установленного статьей 61.17 Закона о банкротстве) и корпоративные иски [3].

В 2025 году ВС РФ активно продолжил рассматривать дела о привлечении основного общества к субсидиарной ответственности, выражая актуальные правовые позиции и формируя новые подходы в судебной практике. Анализируя позиции Верховного Суда РФ в этот период, можно выделить следующие направления развития правоприменительной практики.

Прежде всего это перераспределение бремени доказывания оснований привлечения к субсидиарной ответственности и борьба с процессуальной пассивностью сторон. Так в 2025 году ВС РФ неоднократно рассматривал споры о привлечении к субсидиарной ответственности лиц по обязательствам юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ.

В 2025 году СКЭС ВС РФ, отменяя принятые по спорам решения, указывал, что при рассмотрении вопроса о перераспределении бремени доказывания следует учитывать неосведомленность истца о конкретных доказательствах, необходимых для подтверждения оснований привлечения к субсидиарной ответственности [4]; ответчики должны представлять доказательства, раскрывающие имущественное положение юридического лица и объясняющие причины, по которым расчеты не были проведены в ходе исполнительного производства [5]; при рассмотрении спора судом следует учитывать, что для целей установления субсидиарной ответственности контролирующего лица недобросовестность его действий в период, предшествующий исключению общества из ЕГРЮЛ, может выражаться в том числе в передаче управления обществом другому лицу, выполняющему функции руководителя лишь номинально [6]; суды не должны возлагать на истца бремя доказывания наличия (отсутствия) вины ответчиков, не приняв во внимание их пассивную позицию, сам по себе факт того, что истец не воспользовался правом на подачу в регистрирующий орган возражений против исключения общества из ЕГРЮЛ, не означает утрату им права на возмещение убытков [7].

Практика рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица за 2025 год показывает, что к субсидиарной ответственности при исключении общества из ЕГРЮЛ как недействующего

юридического лица могут быть привлечены контролирующие должника лица, если в результате их поведения осуществление расчетов с кредиторами стало невозможным. Контролирующие лица также могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица, средства которого в нарушение принципа обособленности имущества использовались на личные нужды контролирующих лиц, если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным [1].

Таким образом, ВС РФ выработал единый подход к вопросу ответственности основного общества по долгам дочернего. Его суть сводится к тому, что бремя доказывания сторонами спора должно быть распределено судом так, чтобы оно было потенциально реализуемым, то есть, чтобы сторона имела реальную возможность представить необходимые доказательства. Именно на ответчиков возлагается обязанность доказать, что они действовали добросовестно и разумно, предпринимали все необходимые меры для исполнения обязательств, а невозможность расчетов с кредиторами была вызвана объективными факторами, а не их недобросовестным поведением.

Вышеуказанный подход, изначально сформированный для споров о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенных из ЕГРЮЛ недействующих юридических лиц, был распространен и на споры об ответственности контролирующих лиц по обязательствам «брошенных» компаний. ВС РФ заключил, что правовая позиция о распределении бремени доказывания применима и к случаю, когда юридическое лицо еще не исключено из реестра, но является уже фактически недействующим, так как по существу экономически оно ничем не отличается от ликвидированного и нет никаких оснований уменьшать правовую защищенность кредиторов «брошенных» юридических лиц по сравнению с кредиторами ликвидированных.

Таким образом, кредитор, обратившийся с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам фактически недействующего юридического лица, должен доказать следующие обстоятельства: наличие задолженности, контроль со стороны иных лиц, привлеченных в качестве ответчиков, отсутствие содействия последних в предоставлении сведений о финансово-хозяйственной деятельности должника в необходимых объемах. Как отмечает ВС РФ, совокупность указанных признаков уже достаточна для возложения

на ответчиков обязанности по доказыванию обстоятельств, опровергающих наличие оснований для их ответственности, поскольку сокрытие контролирующим лицом сведений о причинах неисполнения подконтрольным лицом денежного обязательства предполагает его интерес в укрывании собственных противоправных деяний, повлекших невозможность погашения требований кредитора [8].

Необходимо обратить внимание, что подобная тенденция, заключающаяся в недопустимости процессуальной пассивности контролирующих лиц, стала распространяться не только на споры о субсидиарной ответственности ликвидированных и «брошенных» организаций, но и на рядовые споры о привлечении к ответственности в рамках дел о банкротстве. Так, в определении СКЭС ВС РФ от 10.09.2025 N 307-ЭС25-1939(1) по делу N А56-11260/2023 была зафиксирована важная правовая позиция о том, что законодательство о банкротстве прямо предписывает контролирующему должника лицу активное процессуальное поведение при опровержении косвенных доказательств заявителя о наличии негативных последствий от его недобросовестных действий (бездействия) (п. 2 ст. 61.15, п. 4 ст. 61.16 Закона о банкротстве).

Таким образом, сформированный ВС РФ подход направлен на защиту прав кредиторов и стимулирование контролирующих лиц к добросовестному поведению как в процессе управления компанией, так и в ходе судебного разбирательства.

Вторым направлением, которое следует отметить, стал вопрос учета суммы мораторных процентов при расчете размера субсидиарной ответственности. В определении СКЭС ВС РФ № 302-ЭС24-490 (2, 3) от 04.08.2025 по делу № А74-5486/2020 ВС РФ сформулировал важную правовую позицию по вопросу состава субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Так, в размер такой ответственности подлежат включению не только основной долг и финансовые санкции, начисленные до банкротства, но и мораторные проценты, которые по своей сути являются продолжением финансовых санкций, действовавших до банкротства. По мнению ВС РФ, противоположный подход противоречит как смыслу Закона о банкротстве, а отказ во включении в состав субсидиарной ответственности мораторных процентов стимулирует недобросовестное поведение контролировавших должника лиц, злоупотребивших конструкцией юридического лица, и наносит вред его кредиторам. В настоящий момент арбитражные суды активно используют данную правовую позицию.

Третьим направлением развития стало освобождение физического лица от обязательства, основанного на факте привлечения его к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве общества. Судом сформулирована правовая позиция, согласно которой, должник может быть освобожден от обязательств, предусмотренных п. 6 ст. 213.28 Закона о банкротстве, основанная на привлечении его к субсидиарной ответственности, при отсутствии в период причинения вреда умысла или грубой неосторожности в его действиях, а также в случае добросовестного поведения во время процедуры банкротства. Как указал суд, гражданин, являвшийся членом коллегиального органа управления, привлечен к субсидиарной ответственности за одобрение сделок, в результате совершения которых обществу причинены убытки. В то же время гражданин не являлся бенефициаром бизнеса, имущественную выгоду из убыточных сделок не извлекал, при одобрении сделок исходил из принятой в обществе модели корпоративного управления, предполагающей выполнение указаний основного контролирующего лица [2].

Несмотря на значительное развитие законодательства и судебной практики, процесс привлечения основного общества к ответственности по долгам дочернего остается сложным и ресурсоемким. Основные проблемы связаны со сложностью установления факта контроля, особенно когда он осуществляется через цепочку офшорных компаний или неформальные связи, с необходимостью проведения углубленного анализа финансово-хозяйственной деятельности общества, корпоративных документов, переписки, показаний свидетелей, с доказыванием причинно-следственной связи между действиями основного и дочернего обществ, с противодействием со стороны ответчиков (сокрытие информации, выводу активов), с необходимостью специальных знаний, требующихся для анализа финансово-хозяйственной деятельности, оценки сделок и установления причин банкротства, что увеличивает стоимость и продолжительность процесса. При этом судам приходится постоянно искать баланс между защитой прав кредиторов и сохранением принципа ограниченной ответственности, чтобы не подавить предпринимательскую инициативу.

Российское законодательство и правоприменительная практика по вопросу имущественной ответственности основного общества по долгам дочернего продолжают развиваться. В настоящий момент можно выделить несколько ключевых направлений развития законодательства и правоприменительной практики по изучаемому вопросу. Это дальнейшее уточнение и дополнительное разъяснение

критериев фактического влияния действий основного общества на деятельность дочернего в различных ситуациях; усиление роли финансово-экономической экспертизы, развитие методологий и стандартов экспертных заключений; противодействие новым схемам по сокрытию активов и уходу от ответственности; повышение уровня прозрачности корпоративных структур; сохранение разумного баланса между защитой прав кредиторов и стимулированием бизнеса, разграничение деловых рисков от недобросовестных действий. Эти вызовы потребуют от судов высокой квалификации, тщательности в отборе доказательств и глубокого понимания экономических процессов.

В целом, следует ожидать, что российская правоприменительная практика будет продолжать двигаться в сторону более активного и эффективного привлечения к ответственности основного общества и других контролирующих лиц в случаях злоупотребления корпоративной формой, что, несомненно, будет способствовать укреплению доверия к гражданскому обороту и повышению инвестиционной привлекательности страны.

Статистика Федресурса за 2024 и 2025 годы ясно показывает, что «правила игры» в бизнесе стали жестче. Наблюдается общее снижение числа банкротств при одновременном повышении эффективности механизма привлечения к субсидиарной ответственности, что указывает на стремление правовой системы к более точечному и результативному воздействию на недобросовестных участников рынка.

Для руководителей и владельцев компаний это означает, что сегодня как никогда важно вести дела прозрачно, ответственно и в строгом соответствии с законом. Для бизнеса это означает необходимость пересмотра политик внутригруппового управления: любые перечисления средств и управленческие директивы должны иметь под собой прозрачное экономическое обоснование, выдерживающее тест на разумность и добросовестность в условиях потенциального банкротства.

Список использованных источников

1. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ

19.11.2025). Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

2. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025). Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

3. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025). Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.02.2025 N 307-ЭС24-18794 по делу N А66-9932/2023. Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.04.2025 N 305-ЭС24-24042 по делу N А40-277055/2023. Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2025 N 307-ЭС24-22013 по делу N А56-114578/2022. Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2025 N 305-ЭС24-24568 по делу N А40-55223/2023. Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2025 N 308-ЭС24-21242 по делу N А53-48051/2023. Текст: электронный // Консультант Плюс: правовая информационная база данных – URL: <http://www.consultant.ru> – Дата обращения 10.02.2026.